

ТРУД
г. Москва,

24 ИЮЛ 1984

СЛОВО О РАНЕВСКОЙ

Сегодня мы, верно, не в состоянии до конца понять, что произошло, какая глыба откололась от Искусства. Какой мир, огромный, сложнейший и прекрасный своей добротой и человечностью, перестал существовать.

Сегодня в памяти каждого из нас — коллег, партнеров, зрителей Фаины Григорьевны, — маленькими островками возникают отрывки каких-то случайных, «неорганизованных» воспоминаний: у зрителей — спектакли и фильмы, в которых Раневская завораживала своим фантастическим талантом; у актеров, ее партнеров по сцене и экрану, — не только спектакли и фильмы, но еще и прекраснейшие годы, дни, минуты, мгновения общения с человеком непревзойденного ума, редчайшей доброты, яркого, сногшибательного юмора. Юмор, часто обращенного актрисой к самой себе. Юмор этой удивительнейшей из женщин был и остается сродни юмору Чехова, Свифта, Твена...

Ее искусство...

Мы не перестаем и никогда не перестанем удивиться созданной актрисой удивительной и многоцветной мозаике челове-

ских душ. Ее внутренний мир и талант всегда были и останутся для нас далеко за пределами обычных представлений в искусстве и в жизни.

Мы часто говорим: школа такого-то или такого-то... Никто никогда не сказал: школа Раневской. И все-таки эта школа была и есть. И будет. Нет, это не метод, не способ работы над ролью. Это иное. Какое-то кристальное, рыцарское, беспощадно аскетическое отношение к делу всей своей жизни.

Огромным, великим счастьем считано многолетнее общение с Фаиной Григорьевной на репетициях, спектаклях, вне работы. Сам факт присутствия Раневской в театре, на репетициях обязывал каждого из нас, актеров, пребывать в какой-то особой «боевой готовности». И если актриса что-то не принимала в нашей работе, — прекрасноразумных, каких-то елейно-успокаивающих фраз от нее никто не ждал. Она открыто и категорично высказывала свое отношение к тому, что видела. И в то же время могла короткой, как бы случайной, на ходу брошенной фразой вдруг открыть перед своим товарищем по сцене нечто такое

в его роли, что становилось, как оказывалось, единственной правдой.

А как она сама репетировала!.. Об этом рассказать невозможно, как невозможно рассказать о чем-то прекрасном и подлинном тому, кто не видел его.

О ее искусстве написано много... и до обидного мало. Пожалуй, очень точно написал однажды о Раневской один из критиков. Я уж не помню точно его слов, но помню, что речь шла об удивительном умении Фаины Григорьевны обличать зло, злодейство. Так вот критик писал о том, что злодейство всегда было потрясающе отделено от человеческой личности актрисы, и непостижимым было то, что это было видно. То есть всегда была вторая, незримая половина — душа Раневской.

Ушла от нас Фаина Григорьевна Раневская... Ушел от нас человек, почти семь десятилетий прослуживший искусству... Человек, при жизни ставший легендарным... Человек, любимый миллионами в нашей стране...

Борис ИВАНОВ,
народный артист РСФСР.